

ДРАМА ТЕАТРА КОМЕДИИ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ театр, знает каждый. А где театр кончается? Где он перестает быть «кафедрой для человеческой души», как определял его Ф. И. Шаляпин, и превращается в нечто другое, никакого касательства к душе не имеющее, а порой и прямо противоположное своему назначению?..

Поводом для этих невеселых размышлений послужил телефонный звонок. Говоривший был возбужден, тем не менее я узнал его сразу. Звонил театральный фоторепортер.

Что происходит в Театре комедии? — бушевал мой знакомый. — Неужели вы, критики, этого не видите? За год в газете ни слова о театре! Будто его и нет! Никто из вас не был на премьере пьесы В. Шаврина «Девушки с улицы Надежды»!..

Так я узнал о том, что премьеры на алась без костюмов, что их привезли лишь к исходу второго акта, что выпускали спектакль без единой монтировочной репетиции и на премьере суперзанавес конвульсивно дергался и не хотел опускаться, а декорации болтались, отзываясь судорогами на каждый сделанный по сцене шаг. Актеры спотыкались и падали из-за неприлаженных, незакрепленных конструкций.

А ведь дебют новой пьесы на сцене театра совпал с дебютом в Горьковском нового главного режиссера Х. Гимы. Казалось бы, первый спектакль главрежа должен был пройти «без сучка и задоринки».

Телефонный разговор происходил утром, а вечером в театре этот спектакль шел вторично.

Мрачный занавес явно не соответствовал жанру спектакля. Но, видимо, художника С. Рожкова не смущало это несоответствие. Вскоре началось на сцене мелькание оранжевых, бордовых и алых комбинезонов девашек из малярной бригады, которым в финале галантные ухажеры вручали яркие бумажные розочки.

Сочетание контрастных цветов было ошеломляющим. Если же учесть, что «яркие» зрительные впечатления дополнял грохот включенного на полную мощность магнитофона, перекрывавший голоса актеров, нетрудно понять, почему зрители быстро утомились и потеряли всякий интерес к происходящему. После спектакля в зале раздались несколько жиденьких хлопков — основная масса публики заторопилась к вешалке.

Пятый спектакль играли для восьмидесяти человек. А спустя неделю после премьеры его пришлось отменить — зал был пуст...

Горьковский театр комедии показал слабый спектакль, но это еще полбеды. Беда в том, что хороших спектаклей театр этот давно не показывал. Он растерял своих зрителей. Творческая жизнь в нем еле теплится. А ведь живет этот коллектив не в каком-нибудь маленьком городке. Театр имеет сложившуюся труппу, костяк которой составляют интересные комедийные актеры.

В чем же причина такого упадка?

Театру двадцать лет. На первых порах у него не было своего помещения, жил он, постоянно кочуя. Но жил. Набирал силу. Завоевывал имя. И хоть многие говорили, что улица Маяковского, где присмотрели театру здание, совсем не театральная, что по вечерам на ней ни души, что поселять тут театр нельзя, его поселили именно здесь... Но, видимо, выбор места играл все-таки роль. В здании, мало приспособленном для театра, на безлюдной по вечерам улице сразу стало скучно. Сцена

маленькая, зрительный зал (даже при полных сборах) прокормить труппу не в состоянии: дневной рацион театра — не менее пятисот рублей, а аншлаг дает триста восемьдесят. Впрочем, здесь и не помнят, когда был аншлаг.

С получением стационара число выездных спектаклей не сократилось, а возросло. А значит, возросли и расходы на транспорт, на аренду, на амортизацию костюмов и декораций.

Чтобы закрыть все растущую финансовую брешь, театр вынужден был по два-три месяца проводить на колесах. Готовить новые спектакли на гастролях недосуг, а положенное на год число премьер выдать надо. Где же выход? Его находят в наверстывании упущенного времени за счет репетиционных сроков.

Сейчас при труппе в двадцать восемь человек, когда параллели расходятся едва-едва, ежедневно играется по два, а то и по четыре спектакля. Но и это не спасает театр, несмотря на дотацию, почти равную той, что получает театр кукол, где билеты по двадцать копеек (!). Безденежье усугубляет напряженность положения. Сроки подготовки новых спектаклей сокращаются вдвое, качество их падает, а соответственно падают и сборы. Актеры не выдерживают перегрузки и... бегут.

Один из них, проработавший в театре более десяти лет, на вопрос, почему он ушел из театра, сказал:

— Не могу больше. Сил нет! Ведь то, что мы делаем, никому не нужно. Иной раз это кажется даже эстетической диверсией. А

когда актер начинает терять уважение к своему искусству, он теряет самого себя...

Так в чем же все-таки главное — в здании и в других так называемых объективных помехах?

В том-то и дело, что не только в них! Многие зависит от конкретных лиц и прежде всего от руководства театра. А в руководство, как на грех, попадают подчас люди случайные,носящие делу урон невозместимый.

Так, в директорском кресле Театра комедии вдруг оказался некий администратор, не имевший никакого отношения к искусству и, главное, его не любивший. Не прошло и двух лет, как новый директор, оказавшийся вдобавок пьяницей, довел театр до полного упадка. Дефицит, образовавшийся в результате его хозяйствования, перевалил за тридцать тысяч рублей. Ну сумму-то можно еще покрыть — помогут! А вот в каком выражении исчислить дефицит творческий? Кто поможет покрыть его? Из каких источников компенсировать утраченное доверие зрителей?

Директора освободили. «Подобрали» нового, молодого, энергичного, напористого, но руководить театром, имея за плечами одну лишь среднюю школу, ему трудновато.

А главные режиссеры? За пять лет театр пережил четырех. Были и случайные, не только к главной, но и к рядовой роли заведомо непригодные... А театр катился под уклон, и его не остановили.

Чтобы сделать это сегодня, требуется много усилий — гораздо больше, чем нужно было вчера. Но сделать нужно!

Горьковский театр продолжает бороться за жизнь. Его коллектив не хочет сдаваться. И долг областных и республиканских организаций помочь ему. Помочь сегодня. Потому что завтра может быть поздно.

С. ФИХ.

г. ГОРЬКИЙ.